

Предисловие

Дорогие читатели! Хочу вам признаться, что мой любимый персонаж — доктор Ян Александрович Колдунов. Впервые он появляется в книге «Повод для знакомства» разочарованным сорокалетним циником, опытным хирургом с разрушенной карьерой, несложившейся личной жизнью и проблемами с алкоголем. У него осталось только одно положительное качество — он любит свою работу и спешит на помощь людям, и это помогает ему удержаться, а затем и выправиться, сделать шаг навстречу своей любви.

Сейчас мне хотелось бы рассказать о его молодых годах, о том, что с ним происходило сразу после окончания Военно-медицинской академии.

Ваша Мария Воронова

Глава первая

После возвращения в Ленинград Ян Колдунов поселился возле станции метро «Звездная». Теперь, чтобы попасть на службу, приходилось кататься в метро, а не просто перебежать через двор, как в былые годы, и случались дни, когда над районом висел густой тоскливый запах жженных костей с мясокомбината, но Ян все равно не жалел, что отказался от казарменной жизни, надоевшей ему за шесть с половиной лет.

Впрочем, эту квартирку в унылой пятиэтажке, похожей на коробку из-под обуви, смело можно было считать если не филиалом, то метастазом общаги Военно-медицинской академии. Пожилой ипохондрик Михаил Яковлевич сдавал курсантам свою трехкомнатную распахонку очень недорого, зато всегда имел доступ к первоклассному медицинскому обслуживанию. В одной маленькой комнатке жили Ян с второкурсником Васей Лазаревым, напротив обитал гигант Витя Зейда с молодой женой

Яной, а проходная считалась общей, там ужинали и смотрели телевизор.

Витя с женой, которой Колдунов симпатизировал, как тезке, жили дружно, но странно. То уезжали к родителям Яны с твердым намерением остаться там навсегда, но через пару недель Зейда привозил заплаканную супругу обратно. Женское присутствие смягчало суровый спартанский быт молодых воинов, но стоило привыкнуть не разбрасывать носки и не материться, как Яна начинала тосковать по родителям, и чета отбывала в фамильный замок, а в комнату, чтобы не простаивала зря, поселялся Дима Лившиц — длинный, «узкий» и мечтательный пятикурсник. Первое время он по возвращении хозяев безропотно исчезал обратно в общагу, а теперь, чтобы лишний раз не гонять туда-сюда, пережидал рецидив в общей комнате на диване.

Такой кочевой жизни оставалось максимум пара месяцев, ибо в январе ожидалось появление на свет Зейды-младшего. Супруги колебались, где же им все-таки бросить якорь, а Ян вдруг понял, что перспектива делить кров с младенцем не пугает его так, как должна бы.

Да, крики, да, пеленки, да, никаких гостей и пьянок, но после шести лет скитаний начинает казаться, что семейный уют — стоящая штука, ради которой можно потерпеть. Больше того, голову начали посещать мысли, что пора

бы не греться у чужого семейного очага, а зажечь свой собственный. Только трудно найти подходящую невесту, когда все силы посвящаешь работе...

Именно об этом размышлял Ян, глядя в черное декабрьское окно, в котором, как в зеркале, отражались белые шкафчики крохотной кухни, его собственная унылая физиономия и крепенький бодрый Вася с расписным чайником в руках. В отражении казалось, что жар-птица на круглом фарфоровом боку трепещет, готовясь полететь.

— Что там наши рекуррентные, не знаешь? — спросил Ян. — Определились?

— Витька вчера приходил, черепил, куда в случае чего кровать ставить.

— Ясно, — кивнул Ян, с восторгом наблюдая, как Вася укрывает фарфоровый чайник полотенчиком.

Эта церемония была для него в новинку. Дома у родителей стоял на подоконнике белый чайник с сиротской незабудкой на боку, неиссякаемый источник заварки. Если не удавалось вытрясти ни одной капли, в чайник просто доливали кипятку раз за разом, пока из чуть сколотого носика не начинало вытекать что-то совсем бесцветное. Тогда папа гордо заявлял «свежака заварю!» и удалялся в туалет вытряхивать чайники.

Покинув родительский дом, Ян перешел на пакетики, какие дают в поездах. Чай из них сильно отдавал бумагой, но Яну было в принципе без разницы, горячий да и ладно.

Вася Лазарев же подходил к делу основательно, как японская гейша. Тщательно мыл чайник, ошпаривал его кипятком, а заварку не сыпал на глазок прямо из пачки, как любой нормальный человек, а отмерял по правилу — одна ложка на человека и одна на чайник. Залив кипятком, ждал ровно пять минут, пока настоится. Раньше у них была баба на чайник, но Дима Лившиц по пьяни сжег ей подол, и теперь Вася поневоле обходился полотенцем. Вася и наполнил кружку Яна, жеманно придерживая крышечку чайника средним пальцем.

Ян положил себе две ложки сахара, энергично размешал и пригубил. Чай был ровно такой, как надо, горячий, но не обжигающий, темный, терпкий и пах летом. Божественный напиток, но Колдунов знал, что сам себе такой заваривать не будет. За шесть лет учебы в академии и за полгода командировки в Афган он совсем отвык от уютных домашних радостей.

— Надо будет скинуться им на рождение ребенка, так что ты всю стипендию не пропивай, — сказал Вася.

— Само собой.

Послышался стук входной двери, и на пороге показался Лившиц.

— Ховайся, пацаны, — меланхолически произнес он, — к нам едет батя Зейды.

— С Зейдой?

Лившиц кивнул.

— Я понял, — Вася стремительно вскочил из-за стола и скрылся в комнате.

Ян нахмурился:

— Что такое?

Дима с самым загадочным видом посмотрел в потолок и ничего не сказал.

Не прошло и минуты, как Вася выскочил из комнаты в джинсах, лет пять назад пошитых в каком-нибудь подпольном цехе славного города Владивостока, и, обуваясь, спросил:

— Яныч, идешь?

— Да в чем дело? — Колдунов никак не мог понять, в чем дело. — Зачем уходить? Я его как-то видел, вроде милейший дядечка.

— Ну да, мировой мужик, но ровно до тех пор, пока ты не откажешься с ним пить. Тогда это страшный человек, — Вася быстро застегнул «молнию», выпучил глаза и повторил: — Страшный!

— Да?

— Пока не напоит, не отстанет. Короче, если хочешь очнуться через неделю в незнакомом тебе месте, оставайся, а я пошел.

— Нет, погоди, — Ян поднялся, — Дим, ты с нами?

— А я, пожалуй, останусь, — Лившиц томно потянулся и снял шинель.

Надев ботинки, Ян сдернул с вешалки куртку и побежал вслед за Васей.

На улице было темно, серо и промозгло, словом, обычно для любого времени года в Ленинграде, не исключая лето. В глубоких черных лужах отражались городские огни, на газонах подмерзала раскисшая земля с островками ржавой пожухлой травы и горками сгнивших листьев, редкие снежинки оседали на этот мрачный пейзаж и медленно таяли, искрясь в свете фонарей. Похоже было на хлеб с горчицей, чуть присыпанный солью, и Яну захотелось есть.

— Ну что, в Яму? — сказал Вася, поправляя свою меховую шапку невыразимо желтого цвета.

Колдунов был убежден, что знаменитая Васина шапка в точности воспроизводила масть буланого конька, на котором Д'Артаньян прибыл покорять Париж, да и сам Вася, под стать юному гасконцу, был сметлив, отважен и горяч, хотя уже не так юн. Его путь в науку оказался извилист и тернист, так что, будучи ровесником Колдунова, он учился только на втором курсе. После медучилища Лазарева призвали в армию, он служил фельдшером на подвод-

ной лодке, где и зародилась его дружба с Витей Зейдой, потом остался сверхсрочником и так бы, наверное, и служил до пенсии, но на лодке произошла авария, во время которой Вася действовал смело и решительно. Его хотели наградить орденом, но быстро передумали, потому что хоть Вася герой, но лодка затонула из-за разгильдяйства экипажа, а подводная лодка — оружие коллективное, так что нечего тут. Все виноваты. С другой стороны, все-таки Василий Лазарев спас людей, поэтому ладно уж, пусть едет учиться на доктора. Вася получил направление в ВМА, поступил и радовался жизни, но иногда Ян, помогая товарищу в учебе, вздыхал и думал, что, если бы Васе все-таки дали орден, так было бы лучше для всех.

На Чернышевской фонари горели ярче, отчего казалось не так промозгло. В воздухе носился упоительный аромат из пирожковой «Колобок», и Яну захотелось свернуть туда, но Вася решительно повел его по улице Салтыкова-Щедрина к Дому офицеров, именуемому для краткости Ямой.

Вася мчался впереди, предвкушая легкую добычу, а Ян покорно следовал за ним. Он не любил знакомиться в Доме офицеров, зная, что подходящую ему девушку туда может занести только чудом, но темным слякотным вече-

ром очень грустно бродить в одиночестве по улицам...

Сидеть дома и продолжить знакомство с папой Зейды тоже был не вариант. Колдунова серьезно напугали Васины рассказы про неистовое хлебосольство Витиного отца, когда все начинается со слов «хлопчики, да вы только попробуйте», а кончается римской оргией, о которой к тому же наутро никто ничего не помнит. Нет, Ян со слишком большим трудом попал на кафедру, чтобы портить себе перспективы клеймом алкаша. Далеко не все сотрудники в восторге от его назначения, так что достаточно разок прийти на работу с похмелья или просто с перегаром, и поползет слухок, что Колдунов регулярно поддает.

Нет, надо изо всех сил держать себя в руках, чтобы не профукать шанс, выпавший ему в результате уникального стечения обстоятельств. Во время учебы в академии Ян честно зарабатывал себе место на кафедре дежурствами и научной работой, но оказался недостаточно блаженным и загремел в Афганистан. Там удачно оперировал одного генерала, а тот, решив, что лейтенант Колдунов спас его от неминуемой гибели, сделал несколько звонков, и по окончании командировки Ян отправился не в расположение части, а на родную кафедру. Приняли блудного сына без особого восторга, но

в целом тепло, разве что с бывшим наставником доцентом Князевым ощущалась некоторая неловкость. Князев считал, что Ян имеет право на него обижаться за то, что он не отстаивал кандидатуру своего ученика, поэтому на всякий случай обижался сам — вполне понятная слабость. Однако научное руководство над Яном он принял, оперировать давал больше, чем раньше, а Яну ничего другого и не требовалось. В сущности, он вернулся к тому, от чего уехал, поэтому порой командировка в Афганистан казалась сном, каким-то мыльным пузырем его реальности, который то ли улетел, то ли лопнул, то ли его никогда и не было.

Никуда Ян Колдунов не уезжал из-под этих низких серых туч, пушистых, как бабушкин платок...

Внезапно Вася остановился как вкопанный, так что задумавшийся Ян чуть не налетел на него.

— Ты чего?

Вася взглянул ошалелыми глазами:

— Слушай, Яныч, иди один. А мне надо... Ну все, пока!

Не утруждая себя дальнейшими объяснениями, Вася развернулся и побежал обратно к метро.

Проследив за ним взглядом, Ян увидел, что Вася догоняет девушку в куртке с капюшоном,

которая секунду назад прошла мимо них. Обычная девчонка, ничего такого, разве что походка хороша, легкая, летящая.

Обладая совершенно заурядной внешностью, коренастенький Вася тем не менее умел произвести впечатление на дам и сейчас, кажется, не был грубо послан, потому что зашагал вместе с девушкой к метро, ни разу не обернувшись посмотреть на покинутого товарища.

— Командир, брось меня, — усмехнулся Ян ему вслед, зашел под высокую сводчатую арку с гигантским фонарем, который, зловеще поскрипывая, качался на ветру, но не горел, прикурил сигарету и задумался, что делать дальше. Идти в Дом офицеров и с Васей-то было глупо, а одному вообще идиотизм. Гулять в декабрьской тьме в принципе достойное занятие, но, когда в чужих окнах мерцает чужой уют, и отблески его падают на твою неприкаемую физиономию, становится не то чтобы совсем тоскливо, но сильно хочется под теплый плед к теплой и ласковой девушке, а нет у тебя ни того, ни другого.

Через два дома расположен кинотеатр «Спартак», там показывают старые фильмы, почти всегда хорошие, но идти в кино одному еще хуже, чем бродить по улицам.

На улице можно притвориться, что ты куда-то идешь, у тебя есть цель, а в киношке вся-

кий видит, что ты один и не знаешь, чем заняться.

Домой вообще не вариант — там праздник в самом разгаре, Витин папа нальет ему штрафную, и один бог знает, чем это кончится.

У Яна было несколько знакомых девушек, с которыми он расстался, но телефоны еще помнил, и знал, что они будут рады, если он позвонит, но грусть терзала его не настолько сильно, чтобы реанимировать скучные отношения. На всякий случай он еще раз перебрал их в памяти, вздохнул, докурил и поехал в клинику, зная, что там всегда рады лишней паре рук.

Только если день не задался с утра, то вечер мало что меняет. Открыв дверь в ординаторскую и увидев за столом ответственного дежурного хирурга, Колдунов хотел ретироваться, но не успел.

— А, Ян Александрович, милости просим, — дружелюбно сказал профессор Бахтияров.

Пришлось войти и поздороваться.

— Это очень хорошо, что вы пришли, у меня как раз есть для вас одно важное задание.

— Да? Спасибо, Сергей Васильевич!

— О, не благодарите!

Бахтияров поправил круглые очки, подчеркивающие аристократическую утонченность его черт, лучезарно улыбнулся и поднялся из-за стола.

Ян приосанился, решив, что сейчас его позовут ассистировать, а это он, слава богу, умеет делать, как никто другой. Наконец Бахтияров убедится, что Колдунова не зря взяли в аспирантуру сверх плана и посреди учебного года.

Сергей Васильевич Бахтияров был первым и единственным снобом, встреченным Яном на жизненном пути. Он действительно происходил из древнего дворянского рода, ненавязчиво кичился этим и в целом вел себя так, будто Октябрьская революция произошла не семьдесят лет назад, а вчера, и удержатся ли эти разнужданные хамы у власти, еще большой вопрос. Естественно, он был членом КПСС, и, наверное, в целом разделял идеи марксизма-ленинизма, но считал, что лучше бы пролетарии всех стран объединялись где-нибудь у себя в подвале, а руководить собой предоставили людям благородного происхождения.

В принципе, Колдунову не было дела до чужих заблуждений, но Бахтияров, не произнеся ни одного худого слова, прекрасно умел показать, кто тут хозяин, а кто жалкий лакей, с поклоном выпрашивающий пяточок на водку, и свои криогенные улыбочки он расточал не только аспирантам, но даже и Князеву, который, несмотря на звучную фамилию, благородством происхождения похвастаться не мог. Возможно, между учеными мужами за годы со-

вместной работы накопились какие-то более серьезные разногласия, чем сословные предрасудки, Ян не вникал, важно другое. Как ученик Князева, он тоже обязан презирать спесивого профессора. Но не успел Ян задуматься о том, не будет ли предательством Князева, если он пойдет оперировать с Бахтияровым, как Сергей Васильевич протянул ему толстую пачку историй болезни.

— Ваши пациенты, если не ошибаюсь?

Ян быстро просмотрел фамилии и кивнул.

— Что ж, Ян Александрович, — подчеркнуто любезно проговорил Бахтияров, — будьте любезны переделать выписные эпикризы. Это прекрасно, что вы зашли сейчас, потому что служебные часы существуют для того, чтобы выполнять свои обязанности, а ошибки следует исправлять в свободное время, не так ли?

— А что не так? — возмутился Ян.

Бахтияров покачал головой и вздохнул, будто увидел перед собой неоперабельную опухоль:

— Ян Александрович, позволю себе напомнить, что вы поступили в аспирантуру, а это значит, что родина сочла вас способным к самостоятельной научной работе, и кто я такой, чтобы спорить с нею, — Бахтияров развел руками, — ну а коли вы достаточно умны, чтобы проводить серьезные исследования, то ошибку в банальном эпикризе уж точно способны за-

метить и исправить. Я тороплюсь в операционную, а вы, пожалуйста, располагайтесь и работайте. И будьте добры, пишите так, чтобы для прочтения не пришлось вызывать бригаду криптографов.

— У меня просто рука не успевает за мыслью, — буркнул Ян, садясь за письменный стол и открывая первую «историю».

Бахтияров одарил его своей фирменной улыбкой:

— Если не получается писать быстрее, думайте помедленнее. Иногда это бывает полезно.

Дав сей мудрый совет, профессор удалился.

Ян понимал, что все это делается с одной целью — унизить Князева, показав, что он набрал себе в ученики придурков, которые даже «историю» оформить не в состоянии, а лезут со свиным рылом в калашный ряд. Дали быдлу волю, и пожалуйста, наслаждайтесь плодами вседозволенности. Одного пустили из милости, и вот он уже за собой тащит не пойми кого, отпихивая достойных ребят из хороших семей. А где традиции, где преемственность поколений?

Ян еще немножко позлобствовал, но, читая эпикризы, к своей досаде, вынужден был признать, что дело не в одном только снобизме. Он и вправду не слишком любил писанину, старался скорее с ней разделаться и бежать в операционную, поэтому придраться в его эпикризах

было к чему. Именно придраться, то есть обратить внимание на недочет, а не заставить переписывать.

Но с профессором спорить бесполезно, и Ян принялся за дело, надеясь только, что исправляет именно те мелкие грешки, которые имел в виду Бахтияров. Работа спорилась, но последняя «история болезни» поставила его в тупик. Колдунов прочитал эпикриз от начала до конца, потом от конца до начала, повернул «историю» на девяносто градусов и, наконец, посмотрел на просвет, как рентгеновский снимок, но не обнаружил ни малейшего изъяна. Флегмонозный аппендицит у солдата-срочника, тут захочешь, а не напутаешь.

Ян энергично потрянул головой и снова прочитал текст. Нет, все ключевые моменты указаны: когда поступил, через сколько часов от начала заболевания, когда прооперирован, и название операции тоже есть, и что из медикаментов получал, и результаты анализов. Дежурная фраза «послеоперационный период без осложнений, заживление раны первичным натяжением, швы сняты на восьмые сутки» тоже присутствует, она вписывается уже на автомате. Что не так-то, в самом деле?

Тут его размышления были прерваны стуком в полуоткрытую дверь, и на пороге показалась Соня Бахтиярова, дочка Сергея Васильевича.

Ян вскочил. Соня нравилась ему очень сильно.

— А папа где? — не дождавшись ответа, девушка зашла за шкаф, где у них был чайный закуток, и стала деловито расставлять на столе какие-то коробочки. — Я ему ужин принесла.

— В операционной.

— Надолго?

Ян пожал плечами.

— Ладно, придет, сам поест, не маленький, — Соня сложила пустой пакет в аккуратный квадрат и убрала в сумочку, — Ян, покурим?

— Давай.

Соня без спроса открыла форточку и легко вспрыгнула на подоконник. Ян встал рядом и, немного конфузясь, протянул ей свой пролетарский «Ту-134», но Соня без всяких ужимок вытащила сигаретку из мятой пачки.

Она была похожа на отца, с такими же тонкими чертами, высокая, стройная, длинноногая. Мать Яна называла девушек с такими фигурками «прогонистая», Яну не нравился этот эпитет, но Соне он подходил как нельзя лучше.

Соня улыбалась каким-то своим мыслям и качала длинной стройной ногой с узкой щиколоткой. Ян улыбался просто от удовольствия смотреть на нее. Сквозь табачный дымок Соня

пахла весенними цветочными духами и булочками.

За окном вдруг пошел снег, крупные тяжелые снежинки медленно падали на деревья, карнизы и чугунную ограду, превращая унылую клинику в сказочный уголок, где может произойти не чудо, конечно, но что-то очень хорошее, а в ординаторской тепло, и, если напрячь воображение, то мигающие лампы дневного света сойдут за мерцание огня в камине, и так, наверное, выглядит мир за секунду до счастья.

Ян потряс головой и быстро протянул Соне спорную «историю»:

— Глянь свежим глазом, что не так? Вроде бы классика советской аппендицитологии.

Поддаваться настроению волшебства он не хотел.

Соня нахмурилась, разбирая его каракули:

— Вроде все верно, но я рентгенолог, а не хирург.

Ян уже открыл рот, чтобы высказаться насчет баранов, которые сами не знают, чего хотят, но вспомнил, что Бахтияров ее отец, и только плечами пожал.

— Это тебе папа сказал переделать?

— Ну да.

— А, тогда все просто. Видишь, помарки у тебя. Тут зачеркнуто, тут исправлено. Просто набело перепиши, и все.

— Я что, первоклассник?

— Ты просто папу не знаешь. Это его любимая тема, — Соня засмеялась и заговорила бабовито, как бы от имени отца, — Софья, природа неравномерно распределяет свои дары, и я не могу ругать тебя за то, что тебе не досталось, например, музыкального слуха, но запомни, что способности к трудолюбию, аккуратности и дисциплине есть абсолютно у каждого человеческого существа.

— Кто я такой, чтобы с этим спорить?

— Вот именно. И поверь, проще за пять минут переписать, чем три часа слушать его занудство, что да, суров, но справедлив, и только ради твоей же пользы. Он делает из тебя человека, а ты не ценишь.

— Честно говоря, не ценю, — вздохнул Ян и полез в шкаф за чистым листом бумаги.

— А он только ради тебя старается, — Соня лукаво улыбнулась, — ну еще чуть-чуть ради дяди Вали, но только самую капельку.

— Я думал, он выше этого.

— Ну знаешь, — усмехнулась Соня, — когда тебя по носу щелкает какой-то молодой выскочка, никто не может быть выше этого.

— Это да...

Соня спрыгнула с подоконника:

— Ну все, побегу. Если увидишь папу, передай привет.

Ян еще немного постоял у окна, посмотрел, как Соня выходит из дверей клиники и, оскальзываясь на узкой тропинке, осторожно идет к своей вишневой «восьмерке». Снежинки ложились на ее волнистые каштановые волосы, на плечи серого полушубка, придавая ей немножко сказочный вид. Открыв дверцу машины, она обернулась, посмотрела на окно, где стоял Колдунов, с улицы похожий, наверное, на старинный портрет. Ян помахал, Соня послала ему воздушный поцелуй, села в машину и уехала.

Ян устроился за столом и, тяжело вздыхая, начал делать из себя человека, переписывая неаккуратный эпикриз, но так замечтался о Соне, что забыл внести результаты анализов. Пришлось вытянуть из пачки новый листок.

— А в стране с бумагой напряженка, между прочим, — процитировал Ян любимый народом фильм, но, сообразив, что пачка принадлежит Бахтиярову, злорадно ухмыльнулся. Еще вспомнит старый хрыч о своих бесчинствах, когда пойдет по кафедре бумагу клянчить.

На сей раз Колдунов решил быть внимательнее, но Соня со своими кудрями и стройными ножками в модных коротеньких сапожках никак не шла из головы. Она нравилась ему, и, что важнее, Ян видел, что тоже ей небезразличен. Она красивая и умная девчонка, с ней

весело и всегда есть о чем поговорить. Мирозрение у них сходится, кроме того, Соня выросла в семье какого-никакого, но все же хирурга, с пеленок знает специфику работы и не будет в случае чего закатывать мужу сцены за поздние возвращения, бесконечные дежурства и праздники, проведенные на работе. И отдельное удовольствие думать, как взбесится Сергей Васильевич, когда узнает, что в зятя ему светит наглое и безродное хамло. Да, хочется, очень хочется поухаживать за Соней, но тут надо бить наверняка. Он, как сапер, не имеет права на ошибку. Если они с Соней начнут встречаться, а потом поймут, что не хотят быть вместе всю жизнь, то Бахтияров не станет разбираться, кто прав, кто виноват, а просто-напросто костями ляжет, но добьется изгнания Колдунова с кафедры на остров Врангеля или еще куда подальше.

А тут еще эта дурацкая история с «дядей Валей», про которую Ян уже почти забыл...

Чем старше и опытнее становится врач, тем сильнее ему нравится спать по ночам в своей кровати, поэтому на молодого доктора Колдунова дежурства сыпались как из рога изобилия. Он не возражал, понимая, что настоящее мастерство приобретается только так.

Однажды ему, как обычно, передали больных под наблюдение и мимоходом попросили

«глянуть» мужичка из отдельной палаты. Поглялись, что там точно, железобетонно ничего экстренного нет, госпитализировали накануне с подозрением на острую кишечную непроходимость, но положительная динамика отчетливая, рвоты не было, а стул, наоборот, был, рентгенологически барий прошел, так что показаний к операции абсолютно нет, видно, товарищ просто съел что-нибудь, но, если Колдунов на обходе к нему зайдет, будет хорошо, потому что пациент — большая шишка.

Ян зашел, действительно не обнаружил у большой шишки никаких угрожающих симптомов и, наверное, выкинул бы этого пациента из головы, но дежурство выдалось на редкость спокойное, поэтому он заварил себе чайку из пакетика и стал думать, откуда у здорового полковника ВДВ без всякого анамнеза вдруг возникло вздутие живота, имитировавшее кишечную непроходимость, тем более, что пациент категорически отрицал любые алкогольно-питательные излишества. Ян все пил и пил чай, а из приемника его все никто не дергал и не дергал, так что он на всякий случай даже проверил, работает ли местный телефон. В общем, небывалое затишье продолжалось, и Колдунов наконец додумался до того, что причиной вздутия живота среди прочего может явиться и патология забрюшинно-

го пространства. Гематома? Опухоль? Камень застрял в мочеточнике? «Смысл гадать, если можно посмотреть», — рассудил Ян и спустился в рентгеновский кабинет, откуда выскочил если не как Архимед из ванной, но в близком к этому состоянии.

На обзорном снимке брюшной полости полковника на заднем плане виднелся разбитый в хлам первый поясничный позвонок, который никто не заметил, ибо внимание врачей было сосредоточено на кишках.

Стало ясно, что после жесткого приземления крепкие мышцы спины десантника сработали как корсет и сгладили обычную для перелома симптоматику, но обусловленная травмой забрюшинная гематома вызвала парез кишечника.

Ликуя, Ян помчался к дежурному травматологу, который тут же забрал полковника к себе в отделение и назначил лечение. Формально Колдунов ничего не нарушил, поскольку действовал в пределах своих полномочий и в интересах больного, но в смысле цеховой солидарности он оказался не совсем безупречен. Он ведь имел дело не с простым ханыгой, а с высокопоставленным и заслуженным военным, протеже и личным другом Бахтиярова, поэтому должен был сидеть тихо и только утром шепотом доложить о своих открытиях Сергею Ва-

сильевичу на ушко. В крайнем случае, если уж совсем ему не терпелось, следовало позвонить профессору домой.

Ян понимал, что в своем рвении оказался не совсем прав, но, с другой стороны, и извиняться перед Бахтияровым представлялось чем-то неловким. Простите, что выставил вас дураком перед вашим другом, от которого, может быть, зависит ваше продвижение по карьерной лестнице, так, что ли?

Глупо, ведь жизнь есть жизнь, никто не застрахован от ошибок, сегодня ты заметил чужую, а завтра кто-то исправит твою. Рабочие моменты, если за каждый извиняться, то на дело времени не хватит.

Колдунов предпочел сделать вид, будто ничего не было, Сергей Васильевич вроде бы тоже, а теперь выясняется, что нет.

...Дописав злополучный эпикриз буковка к буковке, без единой помарки, Ян сложил «истории» аккуратной стопкой и спустился в приемник. Там ничего интересного не наблюдалось, к тому же смотровые буквально кишели курсантами, и Ян понял, что сегодня ему не дадут ни оперировать, ни выспаться, ребята займут все горизонтальные поверхности вплоть до каталок и перевязочных столов.

Он поехал домой, ожидая найти там как минимум филиал Валгаллы, но квартира встре-

тила его уютной темной тишиной, когда не слышно, а скорее угадывается теплое сонное дыхание, тикает будильник, к которому ты так привык, что не замечаешь, просто знаешь, что все в твоём доме спокойно и хорошо.

Ян тихо разделся, прошёл в ванную, положил мочалку на дно раковины, слегка открыл кран так, чтобы вода лилась на мочалку и никого не будила, умылся и почистил зубы.

В темноте прокрался в комнату, аккуратно обогнув бесконечные Димкины ноги, свисающие со слишком короткого для него дивана. Ян не любил зря будить людей.

— Я не сплю, — прошептал Вася со своей койки, — включай свет, если хочешь.

В свете бра Ян увидел, что Вася лежит, закинув руки за голову, и смотрит в потолок, как князь Андрей в небо Аустерлица.

— Ну что, предатель, — Ян попытался нахмуриться, но не смог, — променял?

— Променял.

Вася немного полежал, улыбаясь, а потом сказал, что девушку зовут Дина, она учится в Санитарно-гигиеническом институте, и подрабатывает в академии медсестрой, хотя Ян ни о чём его не спрашивал.

— Прикинь, судьба? В одной конторе крутимся, а встретились только сейчас, и то случайно. Такая девчонка...